

К ВОПРОСУ О ПЕРЕХОДЕ ОТ УСТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ К ПИСЬМЕННЫМ: ПО МАТЕРИАЛАМ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

© Е. А. Плешкевич, 2019

Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия; e-mail: eap1966eap@mail.ru

Статья посвящена проблеме перехода в Древней Греции от устной культуры к письменной. Большинство зарубежных и отечественных исследователей связывают длительность и неустойчивость этого перехода с особенностями организации полисной власти и с антропоморфной спецификой греческой культуры. Автор обращается к анализу использования устной и письменной коммуникаций в ключевых произведениях. Автор высказывает гипотезу о том, что письменные коммуникации в условиях отсутствия специально для этого созданных институциональных форм доверия древнегреческие авторы либо игнорируют, либо изображают их как второстепенные. К таковым институциональным формам автор относит библиотеки, архивы и другие службы делопроизводства.

Ключевые слова: история письменности, письменная культура, Древняя Греция, зарубежное библиотековедение, история библиотечного дела

Для цитирования: Плешкевич Е. А. К вопросу о переходе от устных коммуникаций к письменным: по материалам древнегреческой литературы // Библиосфера. 2019. № 1. С. 18–25. DOI: 10.20913/1815-3186-2019-1-18-25.

The problem of the transition from oral communications to written ones: based on the Ancient Greek literature

E. A. Pleshkevich

State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia; e-mail: eap1966eap@mail.ru

The article is devoted to the problem of transition in Ancient Greece from oral culture to written one. Most foreign and domestic researchers associate the duration and instability of this transition with 1) peculiarities of organizing the political power, 2) the anthropomorphic specifics of Greek culture. The author proposes to analyze applying oral and written communications in the key works of such ancient Greek writers as Homer (Iliad, Odyssey), Hesiod (Theogony), Aeschylus (Petitioner), Aristophanes (Birds), as well as philosophical works of Plato (Fedr).

It is established that the Ancient Greek authors, despite the possession of writing, guided in their works on oral communication and such forms of confidence in oral communication as personal testimony, religious oath, reinforcing all this belief in a possible religious punishment. As a result, the Ancient Greek authors either ignore or portray as secondary written communication in the absence of specially created institutional forms of trust. The author proposes an original hypothesis, in the context of which he explains this phenomenon by the inability of institutional forms of confidence created for oral communications to perform its function in the transition to written communications and «slows down» the transition process. The author's hypothesis is based on the theory of documentary information, in which context the final transition to written communications was completed only after the creation of institutional forms of confidence in written communications in the form of archives and libraries.

Keywords: history of writing, written culture, Ancient Greece, foreign library science, history of library science

Citation: Pleshkevich E. A. The problem of the transition from oral communications to written ones: based on the Ancient Greek literature. *Bibliosphere*. 2019. № 1. P. 18–25. DOI: 10.20913/1815-3186-2019-1-18-25.

Одним из феноменов в истории древнегреческой письменной культуры является почти трехсотлетняя длительность перехода от изобретения алфавитного письма к его широкому внедрению в общественную практику. До сих пор было высказано несколько предположений о причинах этого феномена.

К этому феномену периодически обращались как отечественные, так и зарубежные исследователи. Обобщение представлений западных исследователей дано в работе известного американского историка Дж. Сикингера [James Sickinger]. Он отмечает, что антиковеды, подходя к теме с нескольких разных точек зрения,

начали подвергать сомнению традиционные представления о природе грамотности и функциях письма в древности. Появление алфавитной письменности в греческом мире в VIII в. до н. э. больше не рассматривается как революционное развитие, изменившее ход греческой истории. Вместо этого считается, что использование письменности развивалось медленно и имело ограниченное влияние на греческую частную и общественную жизнь [17, с. 229–230]. Это утверждение с той или иной оговоркой в целом разделяют и отечественные ученые. Так, сравнивая устную речь и письмо, известный российский филолог С. С. Аверинцев отметил, что устная речь подлежит публичному произнесению наизусть и ее письменный текст – лишь подсобный набросок, нечто вроде партитуры [1, с. 14]. Причины этого он связывает со спецификой греческого мироощущения и гуманизма, «тяготевшим к возможно более наглядному конкретно-осязаемому образу человека» [1, с. 14]. «Устное слово, – продолжает Аверинцев, – это все еще телесная “самость” человека, написанное слово – нет» [1, с. 14]. Другой известный российский историк-антиковед И. Е. Суриков акцентирует внимание на простоте греческого алфавитного письма, по сравнению с иероглифическим. По его мнению, человек, не страдающий пониженными умственными способностями, легко выучивает алфавит за несколько дней и таким образом может быть «сам себе писцом» [12, с. 189–190]. В итоге, историки античности полагают, что письмо в представлениях греков есть некая рутинная технология, а не дар богов, как думали египтяне. Суриков делает акцент на так называемом полисном принципе, связанном с отказом от узкой специализации, когда гражданин делает все сам, а если он не имеет возможности что-то сделать сам, – то привлекает на помощь раба [12, с. 199]. В итоге работа греческого писца, в отличие от его восточных собратьев, была не столь престижна, чтобы на него обращали внимание, более того, он мог быть даже рабом. Комментируя данные суждения, скажем, что такая точка зрения возможна, однако она нуждается в более солидных обоснованиях. В качестве такового выступает высказанная нами гипотеза о том, что письменность начинает рассматриваться в качестве ведущей коммуникационной технологии только после институционализации путем создания соответствующих социальных институтов, обеспечивающих доверие к ней и таким образом создающих условия для ее использования.

Устные коммуникации в древнегреческой литературе

Вначале несколько слов об истории появления письменности в Древней Греции. По наблю-

дениям историков, древнегреческое алфавитное письмо предположительно возникло достаточно поздно – в XI–VIII вв. до н. э., то есть значительно позже, чем в целом ряде стран Древнего Востока. (Древнеегипетская письменность появилась существенно раньше – на рубеже 4 и 3 тысячелетия до н. э.; появление шумерской письменности датируется серединой 3 тысячелетия до н. э.; финикийской – около XV в. до н. э.) Распространение греческого письма шло достаточно быстро. Если в начале VIII в. до н. э. в Греции, по наблюдениям Ю. В. Андреева, не было никаких следов письменности, то в конце столетия уже функционировало новое алфавитное письмо и сложилась богатая и многообразная литература, представление об уровне которой дают поэмы Гомера и Гесиода [2, с. 123]. Каким образом переход от устной культуры к письменной был представлен в древнегреческой литературе? Этот вопрос звучит актуально, если принять во внимание гипотезу американского историка Брюса Бари Пауэлла [Barry V. Powell] о том, что изобретение греками алфавитного письма в первую очередь было обусловлено не коммерческими целями (ведение бухгалтерских записей и счетов), а стремлением записать греческую литературу и в первую очередь гомеровский эпос [15, 16]. В отечественной литературе эта гипотеза была рассмотрена И. Е. Суриковым [13].

Итак, «Илиада» посвящена событиям Троянской войны в XII в. до н. э., то есть достаточно удаленным от Гомера как предполагаемого автора. Учитывая эту хронологическую «удаленность», можно подумать, что древние греки не имели представлений о письме как таковом. Однако это не совсем так. Во-первых, сохранились сведения о писцах критских полисов в архаический период (IX–VIII вв. до н. э.). По наблюдениям историков, в конце архаического периода писец назывался финикастом, то есть знатоком алфавитного финикийского письма [4, с. 173]. Вместе с тем по наблюдениям Ю. В. Андреева, моделируя картину жизни «героического века», создатель «Илиады» и «Одиссеи» руководствовался прежде всего своим творческим воображением и художественным вкусом, которые в свою очередь питались тем, что давала ему окружающая действительность [2, с. 12]. Отсюда та печать наивной модернизации, осовременивания прошлого, которой отмечено все творчество Гомера. В итоге мы имеем сильно упрощенную и идеализированную, но все же узнаваемую в своих основных очертаниях модель современного поэту греческого общества. Поэтому мы полагаем, что удаленность описываемого события не являлась непреодолимым препятствием для введения в ткань поэм сюжетов о письме, и если таковые отсутствуют, то не потому, что Гомер стремился к «исторической достоверности».

Итак, Гомер рисует греческое общество с развитой системой царской и судебной власти, функционирующее в условиях «устного слова». В тексте мы встречаем два аспекта его описания. Во-первых, как коммуникационного акта:

Встал Калхас Фесторид <...>
Силой гадания, данной ему Аполлоном владыкой.
Добрых намерений полный, взял слово
и стал говорить он
<...> Слово окончил и сел Фесторид
Илиада. Пер. В. Вересаева

Это может быть просто слово либо «крылатое», т. е. громкое.

Также на сына Тидея набросился царь Агамемнон,
Громко окликнул его и крылатое вымолвил слово
Илиада. Пер. В. Вересаева

В двери вступив, Одиссея он стал принуждать,
чтоб покинул
Дом свой; и бросил ему, раздраженный, крылатое слово:
«Прочь от дверей, старичишка, иль за ноги
вытащен будешь»
Одиссея. Пер. В. Жуковского

При этом слово не только говорят,
но и запоминают

Старому Фениксу так отвечал Ахиллес быстроногий:
«Феникс, мой дедушка старый,
питомец богов, не нуждаюсь
В этой я чести. И так почитаем я волею Зевса.
Честь эту возле судов сохраняю я, доколе дыханье
Будет в груди у меня и могучие движутся ноги.
Слово другое скажу, и запомни его хорошенько»
Илиада. Пер. В. Вересаева

Во-вторых, он описывает слово как социальное действие, ведущее к неким последствиям. Вот лишь некоторые примеры:

И Меланиппа вождя с Ликомедом,
Крейоновым сыном.
Вместе они поспешили царя Агамемнона к сени.
Скоро, как было сказано слово, исполнено дело
Илиада. Пер. Н. Гнедича

Как мы видим, слово в данном случае выступает элементом не только коммуникации, но и неких действий. Каков действенный характер слова? Приведем лишь две цитаты:

Я объясню. Но пойми и меня, –
поклонись мне раньше,
Что защитить пожелаешь меня и рукою, и словом
Илиада. Пер. В. Вересаева

Тщетно, к нему приближаясь,
его удержать мы стремимся
Словом иль силой. О нас, удаляясь,
он и думать не хочет,
Не обращает вниманья, считает, что между богами
Властью и силою выше он всех без всякого спора
Илиада. Пер. В. Вересаева

Отсюда возникает вопрос, каким образом слово увязывается с действием и каков механизм этого процесса. Мы полагаем, что в его основе лежит социальное управление коммуникационным процессом через разделение высказывания на истинное и ложное. При этом истинное высказывание побуждает к действию, ложное же ведет не только к отказу от действий, но и к наказанию за лжесвидетельство.

Если бы дело такое внушал мне
какой-либо смертный
Жрец иль пророк илионский, или фиамогадатель,
Ложью почли бы мы то и с презрением
верно б, отвергли
Илиада. Пер. Н. Гнедича

«Инструментами», обеспечивающими идентификацию высказывания, выступали свидетельствование участниками событий или коммуникационного акта, либо принесение заверительной клятвы, либо просто заверения.

Руки воздевши, усердно молился богам Агамемнон:
«Зевс, наш родитель, на Иде царящий,
преславный, великий!
Солнце, – о ты, что по целой вселенной все
видишь и слышишь,
Реки, Земля и подземные боги, которые страшно
Людям почившим отмщают, коварно
нарушившим клятву!
Будьте свидетели нам, охраняйте
священные клятвы!»
Илиада. Пер. В. Вересаева

Также и силу Приама сюда приведите, чтоб клятвы
Сам он заверил (его сыновья вероломны и наглы),
Чтобы никто дерзновенно кронидовых
клятв не нарушил
Илиада. Пер. В. Вересаева

Более того, считалось, что истинность высказывания и соблюдение клятвы защищается богами. Так, согласно «Теогонии» Гесиода, этой функцией «заведовал» целый ряд богов.

И, наиболее горя несущий мужам земнородным,
Орк, наказующий тех, кто солжет добровольно
при клятве.

Понт же Нерейя родил, ненавистника лжи,
правдолюбца
Теогония. Пер. В. Вересаева

Первой тогда нерушимая Стикс на Олимп поспешила
Вместе с двумя сыновьями, совету отца повинуюсь.
Щедро за это ее одарил и почтил Громовержец:
Ей предназначил он быть величайшею
клятвой бессмертных
Теогония. Пер. В. Вересаева

За нарушение клятвы карались не только люди,
но и боги. Гесиод подробно описывает, что ждет
клятвopреступника на Олимпе.

Если, свершив той водой возлияние, ложною клятвой
Кто из богов поклянется, живущих
на снежном Олимпе,
Тот бездыханным лежит в продолжение целого года.
Не приближается к пище, – к амвросии
с нектаром сладким,
Но без дыханья и речи лежит на разостланном ложе.
Сон непробудный, тяжелый и злой,
его душу объемлет.
Медленный год протечет, – и болезнь прекращается эта
Теогония. Пер. В. Вересаева

И, наконец, еще один важный аспект, связан-
ный с наличием «певца», хранящего в памяти
устные сочинения.

Много народу теснилось вокруг,
восхищаясь прелестным
Тем хороводом. Певец же божественный пел
под формингу
Илиада. Пер. В. Вересаева

Пел знаменитый певец, и с глубоким вниманьем сидели
Молча они; о печальном ахейн из Трои возврате
Одиссея. Пер. В. Жуковского

Как видим, певец награждается эпитетами «бо-
жественный» и «знатный», что свидетельствует
о его важности в греческом обществе.

Резюмируя наши наблюдения, можно сказать,
что устная коммуникационная система, пред-
ставленная в произведениях Гомера и Гесиода,
включала две составляющие: 1) коммуникаци-
онную технологию в виде устной речи, 2) ин-
ституциональные формы ее социального
использования в виде религиозных представ-
лений об ответственности за нарушение клятвы
и ложное свидетельствование и профессиональ-
ной группы мнемонеров или мнамонов, то есть
«чиновников-запоминателей» и сказителей –

рапсодов и аэдов [7]. Несложно увидеть локаль-
но-коммуникационный характер данной систе-
мы, ориентированной на диалог и личностные
взаимоотношения, как людей между собой, так
и людей с богами. Причем устное сообщение
могло распространяться не только по воле лю-
дей, но и сверхъестественным образом. По на-
блюдению В. М. Строгоцкого, такое сообщение
греки именовали «молвой» [11].

<...> от ужасной молвы человеческой бегай.
Слава худая мгновенно приходит поднять ее людям
Очень легко, но нести тяжеленко
и сбросить не просто.
И никогда не исчезнет молва, что в народе
Ходит о ком-нибудь: как там никак,
и Молва ведь богиня
Гесиод. Труды и дни. Пер. В. Вересаева

Причем молва отличалась от сплетни. В ходе
дискуссии ораторы заявляли, что они апеллируют
к молве, тогда как их оппоненты распростра-
няют сплетни, видимо, подразумевая достоверность
сообщений, распространяемых сверхъестествен-
ным образом.

И все же косвенную отсылку к письменно-
сти Гомер использует несколько раз. Первый
раз – в сюжете, посвященном коринфскому герою
Беллерофону.

Но [Пройт] приказал ему [Беллерофону] ехать
в Ликию и дал две дощечки,
Много погибельных знаков
внутри начертав смертоносных
Стал он расспрашивать гостя [Беллерофонта],
и видеть ему пожелалось
Знаки, которые зять его Пройт посылает в дощечках.
А получивши от гостя злодейские зятевы знаки
Илиада. Пер. В. Вересаева

Выходит, что царь Пройт (Прет) и его тесть
(Июбат), к которому был послан Беллерофонт,
владели письмом, однако, как видно из кон-
текста, использовали его, так сказать, в злом
деле. Скорее всего, история с «погибельными
дощечками» появилась на Древнем Востоке
еще до Гомера, который просто пересказал ее,
включив в миф про Беллерофонта. Косвенно
об этом свидетельствует тот факт, что Пройт
был потомком легендарного египетского царя
Эпафа, то есть страны, где была иероглифиче-
ская письменность. Напомним, что термин «ие-
роглифический» обозначает «священновыре-
занные письмена». Также отметим, что сюжет
с губительными письменами часто использует-
ся в литературе (например, в «Гамлете»), поэто-
му мы не исключаем его использование и в до-
гомеровский период. В любом случае дощечки

их на родину, однако Пеласг останавливает его, объявляя о принятом решении. При этом он подчеркивает, что оно неизбежно, потому что принято гражданами Аргоса, и противопоставляет его письменным решениям.

Решенье это, пошатнуть нельзя его.
Не высекали мы на плитах каменных,
Не заносили на листы папируса
Своих постановлений. Нет, свободное
Ты ясно слышишь слово: убирайся

Просительницы. Пер. С. Анта

Таким образом, письменность в данной трагедии рассматривается как инструмент бюрократии и тирании и в определенной степени противопоставляется свободному волеизъявлению. В заключение трагедии Пеласг восклицает:

Здесь я и каждый гражданин. Ведь принято
Решенье это всеми. Силы нет сильней

Просительницы. Пер. С. Анта

В чем причины такого, мягко скажем, непростого отношения к письменному слову? Определенный свет на этот вопрос может пролить анализ сюжета из диалога Платона «Федр». Как известно, в нем Сократ (в его лице выступает сам Платон) беседует с частным собеседником Федром [8]. В ходе беседы Сократ рассказывает историю о египетском боге Тевте (Тоте), который изобрел искусства, включая искусство письма, и показал их египетскому царю Тамусу. Царь спросил Тевта о пользе письма, на что тот ответил, что искусство письма сделает египтян более мудрыми и памятьливыми. Однако Тамус возразил, что, по его мнению, письмо будет скорее вредить памяти и способствовать забывчивости, поскольку люди будут полагаться на посторонние душе знаки. Стало быть, письменность – это средство не для памяти, а для припоминания. При этом она дает ученикам минимум, а не истинную мудрость.

Далее в ходе дискуссии Платон развивает критику письменного сообщения и формулирует три его ключевых недостатка или ограничения. Первое из них касается того, что письменное сочинение не может отвечать на возникающие у читателя вопросы – оно всегда будет отвечать одно и то же.

Второе касается того, что письменное сообщение вращается повсюду, попадая в руки как тех, кто его понимает, так и тех, кто не имеет никакого отношения к излагаемым в нем предметам, причем оно не знает, с кем должно говорить, а с кем – нет. И в-третьих, подвергшись «нападению», письменное сообщение не способно защититься или помочь себе, поскольку для помощи ему нужен его «отец» (автор).

Институционализация письменных коммуникаций

Анализируя эти аргументы, несложно заметить, что они касаются не столько письменного сочинения как такового, сколько его использования. Иными словами, касаются институциональности письменных коммуникаций. Очевидно, что во времена жизни Платона (429/427–347 гг. до н. э.) развитие писцового дела и книжной торговли постепенно трансформировало информационное пространство: произошло существенное территориальное и хронологическое расширение читательской аудитории. В этих условиях греческие авторы пусть интуитивно, через своих героев, но все же сопоставляли устную и письменную технологии. Несмотря на ограниченность устного слова при передаче информации во времени и пространстве, оно все же имело определенные институциональные инструменты, обеспечивающие доверие к сообщению, тогда как письменные технологии таковых инструментов обеспечения доверия к письму не имели. Отсюда, мы полагаем, и негативная коннотация у греческих авторов письменности как технологии и ее, скажем так, показное игнорирование. Косвенным примером является изображение Одиссея хитроумным и безграмотным одновременно.

Изменение данной ситуации произошло в ходе создания специализированных институциональных форм, регламентировавших использование письменной технологии. Организационно это было достигнуто в ходе создания социально-информационных учреждений в виде библиотек, архивов и канцелярий. В силу ограниченности статьи мы остановимся на анализе роли и места в этом процессе библиотек. В отличие от Древней Греции, библиотеки, зачастую совмещенные с архивом, на Древнем Востоке появились достаточно рано. В качестве иллюстрации приведем два примера: 1) библиотека Рамсеса II была основана примерно в 1300 году до н. э. в городе Фивы; 2) библиотека Ашшурбанипала в VII в. до н. э. собиралась в течение 25 лет и насчитывала 25 000 глиняных табличек с клинописными текстами. Именно поэтому отношение к письму там принципиально отличалось от того, которое сложилось в Элладе.

Благодаря библиотеке на вопросы читателя начинает отвечать не одно, а несколько письменных произведений. На смену устному диалогу, приверженцами которого выступали Сократ и Платон, стал приходиться, образно выражаясь, «пассивный» диалог читателя со многими авторами, число которых постоянно возрастало. Другими функциями, которые взяла на себя библиотека, стали: 1) библиографическое управление читательскими интересами, благодаря которому читателю предоставлялись

произведения, наиболее полно соответствующие его интересам, уровню развития; 2) появление цензуры, ограничивающей использование отдельных письменных сочинений; 3) благодаря библиотекам стало возможным появление литературной критики, замещающей читателю непосредственное общение с автором письменного сочинения.

Как мы знаем, библиотеки и архивы появились в Древней Греции достаточно поздно. Одни из первых книжных коллекций были составлены Еврипидом и Аристотелем. Как известно, Платон, видимо, за это называл Аристотеля читателем [1, с. 15]. Впоследствии владельцем книг Аристотеля и Теофраста стал ученик последнего – Нелей из Скепсиса, который также считается собирателем школьной библиотеки. Существенно ситуация начинает меняться после создания в III в. до н. э. Александрийской библиотеки. Во времена правления Птолемея III (246/245–222/221 гг. до н. э.) в ней хранилось такое количество книг, которое ни один человек не был в состоянии прочитать [6, с. 225]. Примерно в то же время Каллимах составляет свои знаменитые библиографические таблицы. В конце III – начале II в. до н. э. возникает крупная библиотека в Пергаме, которая, по наблюдениям О. Ю. Климова, становится не только местом хранения книг, но и крупным научным центром [5, с. 183]. И эти новации практически сразу находят отражение в литературе. Так, античный поэт Менандр заявляет, что те, кто умеют читать, видят вдвое больше (цит. по [6, с. 222]). Появляются публичные чтения как одна из форм общественного досуга; сохранились сведения о проведении таких чтений в III в. до н. э. в этолийском городе Ламия в честь поэтессы Аристодамы [14, с. 158]. Как мы видим, отношение к письменности в эпоху эллинизма постепенно начинает меняться в лучшую сторону.

Заключение

Таким образом, письменная «галактика» возникла задолго до изобретения печатного станка. Другое дело, что она была локальной, неустойчивой и порой «теряла» существенные части своего пространства, однако мы полагаем, что сам «письменно-галактический» феномен был создан библиотеками и службами библиографии. Это позволяет нам сформулировать на уровне гипотезы тезис о том, что сложности перехода в Древней Греции от устного слова к письменному слову отчасти были обусловлены отставанием институционализации письменных технологий, что и нашло отражение в древнегреческой литературе, пусть и в своеобразной форме. Развивая данную гипотезу, хотим отметить, что формирование письменной культуры включает два этапа: 1) изобретение коммуникационной технологии (устной речи,

пиктографии, идеографической и фонетической письменности, печатного дела, электронных технологий); 2) институционализацию этой технологии, направленную на обеспечение доверия к ней. Исходя из этого, а также в контексте документально-информационных представлений о социальных коммуникациях [9, 10] переход от устных к письменным коммуникациям включал несколько этапов. На первом этапе была изобретена технология письменности; на втором этапе разработана и внедрена технология относительно дешевого (массового) производства (глиняные таблички, папирус, восковые таблички) и распространения письменных произведений (писцовые мастерские и книжные лавки). И наконец, на третьем, заключительном этапе были созданы институциональные формы управления письменным пространством в виде библиотечного дела и библиографии. Рассогласование в Древней Греции второго и третьего этапов данного процесса стало одной из причин почти трехвековой «задержки» перехода от устного слова к письменному, что нашло отражение в древнегреческой литературе. Безусловно, данный тезис высказан в качестве гипотезы и нуждается в дальнейшей разработке, однако нам представляется, что его формулировка существенно расширяет наши представления о сложности и нелинейности развития письменности, о вариативности ее развития, помогает прояснить место и роль библиотек и служб библиографии, а также архивов в развитии письменных коммуникаций. ■

Список источников

1. *Аверинцев С. С.* Типология отношения к книге в культурах Древнего Востока, античности и раннего средневековья // *Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока.* Москва, 1978. С. 6–27.
2. *Андреев Ю. В.* Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н. э. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2004. 494 с.
3. *Доватур А. И.* Платон об Аристотеле // *Вопросы античной литературы и классической филологии.* Москва, 1966. С. 137–145.
4. *Картюк С. Г.* Секретари-магистры и/или писцы-профессионалы в Древней Греции // *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение.* 2013. № 17. С. 171–180.
5. *Климов О. Ю.* Пергамская научная школа // *Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира.* 2009. № 8. С. 175–198.
6. *Мангуэль А.* История чтения / пер. с англ. М. Юнгера. Екатеринбург : У-Фактория, 2008. 381 с.
7. *Пальцева Л. А.* Греческие мнемоны // *Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира.* 2003. № 2. С. 31–52.

8. Платон. Федр // Федон, Пир, Федр, Парменид / Платон. Москва, 1999. С. 135–191.

9. Плешкевич Е. А. Документально-информационный подход в контексте методологии постнеклассического познания в библиографоведении и библиотековедении // Библиосфера. 2016. № 1. С. 3–9.

10. Плешкевич Е. А. Документальность как атрибутивное свойство документа // Научно-техническая информация. Серия 1, Организация и методика информационной работы. 2013. № 9. С. 1–7.

11. Строецкий В. М. Роль информации и проблема коммуникативных отношений в классическом полисе // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. 2003. № 2. С. 135–152.

12. Суриков И. Е. Афинские граждане архаической и классической эпохи как писцы // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2013. № 17. С. 181–204.

13. Суриков И. Е. Греческая архаика как историческая эпоха: современный взгляд. Первая половина (IX–VIII вв. до н. э.) // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. 2014. № 14. С. 27–50.

14. Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Suppl. 3. Aachen-ad Iuglandem. Stuttgart, 1918. 69 S.

15. Powell B. B. Why was the Greek alphabet invented? The epigraphical evidence // *Classical Antiquity*. 1989. Vol. 8, № 2. P. 321–350.

16. Powell B. B. Homer and the origin of Greek alphabet. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1991. 280 p.

17. Sickinger J. Literacy, documents, and archives in the ancient Athenian democracy // *The American Archivist*. 1994. Vol. 62, № 2. P. 229–246.

References

1. Averintsev S. S. Typology of the attitude to book in cultures of the Ancient East, Antiquity and the early Middle ages. *Antichnost' i antichnye traditsii v kul'ture i iskusstve narodov Sovetskogo Vostoka*. Moscow, 1978, 6–27. (In Russ.).

2. Andreev Yu. V. *Gomerovskoe obshchestvo. Osnovnye tendentsii social'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya Gretsii XI–VIII vv. do n. e.* [The Homeric society. The main trends of socio-economic and political development of Greece of the XI–VIII centuries BC]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2004. 494 p. (in Russ.).

3. Dovatur A. I. Platon on Aristotle. *Voprosy antichnoi literatury i klassicheskoi filologii*. Moscow, 1966, 137–145. (In Russ.).

4. Karpyuk S. G. Secretaries-masters and/or professional scribes in Ancient Greece. *Vestnik RGGU. Ser. Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*, 2013, 17, 171–180. (In Russ.).

5. Klimov O. Yu. Pergamon scientific school. *Mnemon: issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira*, 2009, 8, 175–198. (In Russ.).

6. Manguel' A. *Istoriya chteniya* [The history of reading]. Ekaterinburg, U-Faktoriya, 2008. 381 p. (In Russ.)

7. Pal'tseva L. A. Greek mnemons. *Mnemon: issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira*, 2003, 2, 31–52. (In Russ.)

8. Platon. *Fedr. Fedon, Pir, Fedr, Parmenid*. Moscow, 1999, 135–191. (In Russ.)

9. Pleshkevich E. A. A documentary information approach in the context of methodology of post-non-classical knowledge in bibliography and library science. *Bibliosfera*, 2016, 1, 3–9. (In Russ.).

10. Pleshkevich E. A. Documentary as an attribute property of a document. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya. 1*, 2013, 9, 1–7. (In Russ.).

11. Strogetsckii V. M. The role of information and the problem of communicative relations in the classical policy. *Mnemon: issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira*, 2003, 2, 135–152. (In Russ.).

12. Surikov I. E. Athenian citizens of the archaic and classical era as scribes. *Vestnik RGGU. Ser. Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*, 2013, 17, 181–204. (In Russ.).

13. Surikov I. E. reek archaic as a historical epoch: a modern view. The first half (IX–VIII centuries BC). *Mnemon: issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira*, 2014, 14, 27–50. (In Russ.)

14. Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Suppl. 3. Aachen-ad Iuglandem. Stuttgart, 1918. 69 S.

15. Powell B. B. Why was the Greek alphabet invented? The epigraphical evidence. *Classical Antiquity*, 1989, 8 (2), 321–350.

16. Powell B. B. Homer and the origin of Greek alphabet. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1991. 280 p.

17. Sickinger J. Literacy, documents, and archives in the ancient Athenian democracy. *American Archivist*, 1994, 62 (2), 229–246.

Материал поступил в редакцию 17.08.2018 г.

Сведения об авторе: Плешкевич Евгений Александрович – доктор педагогических наук, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории информационно-системного анализа ГПНТБ СО РАН